

Увидев два коротких слова — «Это я», Хэ Янь рванул напрямик к квартире Линь Шо.

Внутри царила мертвая тишина.

Прошлое казалось сном. Глядя на комнаты, можно было подумать, что здесь никогда никто не жил. Всё, чем он владел, что захватил, что пытался запереть на замок, оказалось лишь зыбким призраком — стоило коснуться, и он растаял без следа.

Хэ Янь набрал номер Линь Шо.

Телефон был выключен.

Он посидел в гостиной, а затем вошёл в отремонтированную по заказу Линь Шо кинокомнату. Среди бесконечных рядов дисков взгляд выхватил один — белый футляр.

Проектор зажужжал.

На экране вспыхнул знакомый иероглиф — «Бег».

Хэ Янь тяжело опустился в кресло. Кадры сменяли друг друга.

Человек на экране смеялся, плакал, бежал.

Он становился всё ярче, ослепительнее.

Этот свет был слишком прекрасен.

Его невозможно было удержать.

Хэ Янь сжался в комок, точно брошенный пёс.

Он поставил фильм на повтор.

Снова и снова. Кадр за кадром.

Сам того не заметив, он забылся тревожным сном прямо в кресле.

И приснилось ему нечто долгое и тягучее.

Во сне он долго сидел рядом с матерью.

Её тело становилось всё холоднее.

Никто не приходил.

Мир погрузился в тишину.

Наконец, за ним прислали людей.

Но тишина никуда не делась.

«Если я стану плохим... ещё хуже... будут ли меня ругать, как других детей?» — думал он тогда.

Нет.

Ни слова.

Ни взгляда.

Отец смотрел на него холодно, точно на чужака.

А когда понял, о чем думает сын, велел выбросить его котенка. Совсем крошечного, с ладонь величиной — тот мог есть только размоченный в молоке корм.

Хэ Янь остался заперт в комнате, а котенок — снаружи. Малыш никак не мог войти.

Он только скребся в дверь.

Дни шли один за другим. Скрежет становился всё тише, пока не смолк совсем. Тогда ему позволили выйти.

Он поднял котенка на руки.

Тот больше не двигался.

Жизнь оказалась до ужаса хрупкой штукой.

Отец тогда сказал:

— Не пытайся со мной хитрить.

От льда в его голосе у Хэ Яня кровь стыла в жилах.

Тогда он понял: для отца между ним и этим котенком нет никакой разницы.

Бежать.

Он бежал вперед совсем один.

Бежал, не оглядываясь.

Позади оставалась бесконечная тьма и безмолвие.

Впереди мерцал свет.

— Тебя зовут Хэ? — спросил его какой-то мальчик. — Твоего отца зовут Хэ Боюань?

В его вопросе, за нескрываемым любопытством, почему-то слышалось сочувствие.

Мальчик схватил его за руку:

— Пойдем, я покажу тебе кое-что интересное.

Едва рассвело, вокруг всё сияло белизной свежего снега.

Он последовал за новым знакомым в дом. Они вскарабкались по длинной приставной лестнице, пролезли через тесный чердак и нырнули в крохотную потайную дверцу.

Мальчик высунулся наружу.

Заметив, что Хэ Янь застрял внизу, он обернулся и махнул рукой.

Из-за яркого света, бьющего в спину, его лица было не разглядеть.

Хэ Янь тоже выбрался наружу.

Дверца вела на крышу — там было крохотное местечко, не больше чайного столика, где едва могли уместиться двое детей.

Странный лаз, но вид отсюда открывался потрясающий. Весь район был как на ладони, даже знакомые улицы выглядели иначе.

Мальчик указал куда-то вдаль.

Там находилась редакция газеты.

К дверям подошел человек. Он собирался открыть замок, но зацепился за что-то и полетел кувырком. Что было еще комичнее — две рождественские елки, которые давно пора было убрать, разом рухнули прямо на него, почти похоронив бедолагу под слоем снега.

Мальчик расхохотался, он выглядел по-настоящему счастливым.

Хэ Янь в недоумении спросил:

— Ты так его ненавидишь?

Мальчик задумался и ответил:

— Если кто-то ради грошей готов лишиться других куска хлеба и надежды на жизнь... разве такие люди не заслуживают ненависти?

Хэ Янь понимал мало, но решил поддержать друга:

— Ещё как заслуживают!

Он яростно слепил снежок и замахнулся:

— Попадись он мне, я бы ему всыпал!

Мальчик улыбнулся.

Хэ Янь заворуженно смотрел на него, а потом, воодушевившись, выпалил:

— Вот увидишь, когда я вырасту, я их всех закрою! Мой папа очень богатый!

Он даже забыл о своих натянутых отношениях с отцом, выкладывая все козыри, как отчаянный игрок, лишь бы удержать этого друга.

...Но это не помогло.

Мальчик больше не появлялся.

Хэ Янь чувствовал себя рыбой, которой дали глоток воды, а затем выкачали весь пруд.

«Ну и не надо! Мне плевать!»

«Ни капли не жаль!»

У него полно друзей! Полно подлиз! Кому нужен этот тощий оборванец!

Никому!

Но если бы можно было встретиться хоть раз...

Хоть один-единственный раз...

Хэ Янь провалился в беспросветный сон.

Там тот мальчик уже вырос. Он обернулся, улыбнулся и замер, глядя на него.

Словно всё это время ждал.

***

Пока в душе Хэ Яня бушевали бури, Линь Шо, ставший их причиной, полностью отрезал себя от внешнего мира.

Добравшись до окраин города, он велел Ван Хулаю припарковаться, и дальше они пошли пешком.

— На все остальные вопросы отвечай как хочешь, — наставлял Линь Шо на ходу, — но эти два ответа зазубри назубок.

Ван Хулай закивал, точно болванчик:

— Что за вопросы?

— Первый: «Это ты помог мне найти сердце для пересадки?»

Ван Хулай оживился:

— И что отвечать?

— «Мой брат — Ван Дунъян».

Режиссёр опешил. До него не сразу дошел смысл:

— Ты хочешь, чтобы я так и сказал?

Линь Шо с усмешкой глянул на него:

— А разве не так ты выбиваешь деньги у спонсоров?

Ван Хулай смущенно кашлянул:

— Ну, это была вынужденная мера...

— Ох, Брат Ван, слишком часто у тебя случаются эти «вынужденные меры».

В индустрии каждый знал, что коронная фраза «Короля плохих фильмов» — это напоминание о родстве с великим Ван Дунъяном. Братья одной крови, но таланты у них — небо и земля, как и репутация. К счастью, Ван Хулай был человеком широкой души, иначе давно бы свихнулся от сравнений. И хотя он бессовестно пользовался именем брата для поиска инвестиций, человеком он был порядочным — иначе Ван Дунъян давно бы прилюдно от него отрекся.

— Ну, Дунъян и правда мой брат, — вздохнул Ван Хулай. — И он не против, чтобы я немного погрелся в лучах его славы. — Побоявшись, что Линь Шо продолжит подкалывать его, он быстро сменил тему: — А второй вопрос?

— Второй: «Есть ли у тебя мечта?»

Ван Хулай впал в ещё большее замешательство.

Что? Мечта? О ней-то зачем говорить? Родители живы, руки-ноги на месте, психика в норме, даже собака соседа Лао Вана — и та полна сил. Никаких детских травм, никаких юношеских кризисов, до сорока с лишним дожил — даже лысина не наметилась! О какой мечте речь?

Линь Шо щелкнул пальцами:

— Вот! Именно это лицо! Запомни эту мину и повтори её позже.

Ван Хулай, будучи человеком упрямым и честным, попытался доказать, что и у него есть душа:

— Ну... снять фильм, который соберет огромную кассу — это считается?

Линь Шо удовлетворенно кивнул:

— Сойдет.

Ван Хулай: «...»

За разговорами они дошли до места. Ван Хулай присвистнул: это был самый элитный санаторий в городе. Говорили, здесь поправляют здоровье высшие чины. И тут он осознал нечто важное:

— погоди, а к кому мы идем? Судя по допросу, нас ждет серьезное испытание!

— К моему дедушке, — ответил Линь Шо.

Линь Хоугэнь в это время одевался.

Перед этим Линь Шо переговорил с сиделкой и узнал, что признаки старческого слабоумия у деда усилились.

Проявлялось это странно: старик мог несколько раз подряд ходить в душ.

Он просто не помнил, мылся уже или нет.

Увидев внука, Хоугэнь замер, не донеся руку до пуговицы. Он не мог вспомнить: застегивает он рубашку или расстегивает. Но он точно знал, что Линь Шо — его внук, и при нем нельзя показывать слабость.

Линь Хоугэнь остро взглянул на Ван Хулая.

Где-то он уже видел этого типа. Понадобилось время, чтобы вспомнить: это же тот самый знаменитый «Король плохих фильмов». Когда Хоугэнь работал киномехаником, именно с его картин зрители уходили толпами еще до середины сеанса.

Старик нахмурился:

— Что ты делаешь рядом с этим человеком?

Ван Хулай виновато отступил в сторону, стараясь казаться как можно незаметнее.

— Дедушка, я недавно снял фильм, — мягко сказал Линь Шо.

Линь Хоугэнь помрачнел, сжимая кулаки от ярости. Он гневно уставился на спокойного внука.

— Это было ещё до того, как я пошел в корпорацию Хэ, — продолжил Линь Шо. — Ты же знаешь, у Дяди Лина были проблемы. Кинотеатр мы отстояли, но мало ли что еще случится... Я хотел помочь. К тому же Брат Лин очень любит сниматься. — Он кивнул на Ван Хулая. — Теперь он подписал контракт со «Звёздным светом». У Брата Вана отличные связи, он защитит его от всякой грязи в индустрии. В общем, фильм готов, теперь я сосредоточусь на основной работе. Не волнуйся.

Лицо Линь Хоугэня оставалось суровым. Он буркнул:

— Я проголодался. Сходи принеси чего-нибудь поесть. Обязательно горячего.

Линь Шо послушно вышел.

В комнате остались только старик и Ван Хулай.

— Как тебя зовут? — спросил Хоугэнь.

«Только что ведь презирал, а уже имя забыл?» — подумал Ван Хулай, но ответил честно:

— Ван Хулай.

Линь Хоугэнь промолчал.

«Имя под стать его фильмам».

Заметив выражение лица старика, Ван Хулай не удержался от жалоб:

— Эх, когда мама несла меня регистрировать, она совсем забыла спросить отца. Позвонила ему, а он в маджонг резался, да как заорет в трубку: «Ху лэ!» (Победа!). Мать на него накричала — мол, кто ж так ребенка называет? Решила назвать Фулай (Счастье пришло). Но у

неё акцент сильный, вот регистратор и записал «Хулай» (Творить глупости). Тот спешил домой, черкнул — и готово. Вся жизнь — одна сплошная нелепица.

Линь Хоугэнь решил, что Ван Хулай — человек неплохой.

Обычно плохих людей за такую болтливость убивают на месте.

Старик задал еще пару вопросов в духе «как познакомились с моим внуком», а потом внезапно спросил:

— Это ты помог мне найти сердце для операции?

«Началось!» — Ван Хулай приосанился:

— Мой брат — Ван Дунъян!

Линь Хоугэнь внимательно следил за ним. Видя, что тот не врет, расспрашивать дальше не стал.

Значит, Линь Шо задолжал этому человеку огромную услугу, вот и пришлось снимать кино для его компании.

Бизнесмены никогда не делают ничего даром. Но что за человек этот Ван Хулай?

— Есть ли у тебя мечта? — в упор спросил Хоугэнь.

Ван Хулай: «...»

«Линь Шо — просто пророк какой-то!»

Он изобразил на лице ту самую степень недоумения, на которую только был способен.

— Ну... — промямлил он. — Заработать кучу денег — это считается? — Тут он достал телефон и начал показывать отчеты о кассовых сборах. В его файлах всё было разложено по датам, и страсть к наживе была видна невооруженным глазом.

Линь Шо, поговорив с врачом, купил горячей еды и неспешно шел обратно. У дверей он замер, прислонившись к стене, и молча слушал их разговор.

Они оба — и дед, и внук — всё прекрасно понимали. Просто в глаза друг другу сказать об этом

не могли.

Когда в комнате стихло, Линь Шо вошел.

Он поставил еду на стол:

— Дедушка, ешь, пока не остыло.

— Хорошо, поем. Идите уже. Тебе завтра на работу. И про учебу в университете не забывай, последний семестр — дипломная работа, смотри не подведи... — Линь Хоугэнь начал ворчать, повторяя в точности те же наставления, что давал в прошлый раз.

У Линь Шо защипало в носу.

Раньше они никогда не разговаривали так спокойно. Дед обычно орал, а он огрызался. Теперь Линь Шо кротко кивал, обещая всё исполнить. Подхватив Ван Хулая, он направился к выходу.

Линь Хоугэнь вышел на порог, провожая их взглядом.

Проходивший мимо старик хмыкнул:

— О, Старина Линь, это твой внук был?

Хоугэнь расплылся в гордой улыбке:

— Ага, Линь Шо. Учится на четвертом курсе университета S, после Нового года диплом получит.

Сосед удивился:

— Такой молодой, а уже выпускник? Молодец парень.

Линь Хоугэнь, сияя, вернулся в комнату.

Сел на кровать и снова уставился на пуговицы.

Так он всё-таки собирался в душ или только что оттуда?

У ворот Линь Шо обернулся. Он не хотел, чтобы дед волновался, а дед скрывал свою болезнь от

него. Как бы ни прогрессировала немощь, Линь Хоугэнь изо всех сил старался казаться нормальным. Врач сказал, что это даже хорошо — попытки контролировать себя замедляют распад личности.

В старости «замедлить» — это единственное, на что можно надеяться.

Здесь, в санатории, деду обеспечат лучший уход.

Линь Шо резко отвернулся и приказал себе сесть в машину.

У Ван Хулая накопилась тысяча вопросов, но, увидев покрасневшие глаза юноши, он проглотил их все. Линь Шо всегда казался им невозмутимым стратегом, у которого всё под контролем. Редко когда он позволял себе такую слабость. Увидь его кто-нибудь сейчас — и этот человек наверняка захотел бы бросить к его ногам весь мир, лишь бы тот не грустил.

Но Линь Шо не нуждался в подачках.

В это мгновение он был обычным подростком.

Он лишь хотел, чтобы единственная скала в его жизни не рухнула слишком быстро.

Всё остальное золото мира не стоило для него и ломаного гроша.

Ван Хулай довез его до дома. Ни о чем не спрашивая, он просто махнул на прощание рукой и уехал.

Линь Шо уже взял себя в руки.

Войдя в лифт, он включил телефон.

Экран вспыхнул уведомлением о пропущенном от Хэ Яня.

Выйдя из лифта, Линь Шо набрал его номер, но услышал лишь равнодушное: «Аппарат абонента выключен».

Линь Шо нахмурился.

Он открыл дверь своей квартиры.

Внутри было темно.

Лишь из глубины доносились какие-то звуки.

Он прошел по коридору и заметил полоску света из приоткрытой двери кинокомнаты.

Линь Шо помедлил мгновение, а затем вошел.

Проектор всё еще крутил «Бег».

Фан Цзинфэй на экране была ослепительно красива.

Солнце, снег, прекрасный мир...

Всё то, к чему люди стремятся всей душой.

Линь Шо перевел взгляд на Хэ Яня.

Тот свернулся калачиком в кресле. Его длинные руки и ноги не помещались, поза выглядела крайне неудобной. Линь Шо хотел подойти, но заметил на полу разбитый телефон — экран вдребезги, аккумулятор и сим-карта вылетели наружу.

Линь Шо замер.

Он аккуратно сложил обломки на стол и только после этого подошел к спящему.

Тело Хэ Яня было неестественно горячим.

«Ну и денек», — подумал Линь Шо. Только он сам оклемался, как свалился Хэ Янь. Он обхватил его, собираясь перенести в спальню, как вдруг почувствовал на себе тяжесть.

Линь Шо прижало к ковру.

Хэ Янь открыл глаза. Он смотрел сверху вниз, тяжело дыша.

Он был уже взрослым мужчиной — юношеская мягкость ушла, черты лица стали резкими, хищными. Прямой нос, пронзительный взгляд — когда в нем просыпалась ярость, он казался зверем, готовым разорвать добычу.

Он положил руку на затылок Линь Шо.

Сердце Линь Шо пропустило удар.

В такой позе он почувствовал себя в смертельной опасности.

Хэ Янь яростно впился в его губы.

Только когда во рту появился солоноватый привкус крови, он отстранился.

Он не помнил, что ему снилось в том дурмане.

Голова раскалывалась от боли.

Видя, что Хэ Яню плохо, Линь Шо нахмурился:

— Тебе нужен врач.

Хэ Янь сжал его затылок, не сводя взгляда с его окровавленных губ.

— Поздно уже для врачей. У тебя же остались лекарства, что мне выписывали? Найди их и дай мне пару таблеток.

Линь Шо попытался высвободиться.

— Я сказал — потом, — отрезал Хэ Янь. Он придавил его всем телом, не давая пошевелиться.

Линь Шо замер, глядя на него.

Хэ Янь заговорил, и в его голосе слышалось обвинение:

— Зачем ты скрыл это от меня?

Вопрос был слишком прямолинейным. Линь Шо не нашелся, что ответить.

Впрочем, Хэ Яню и не нужен был ответ. Он сам выстроил удобную ему логику:

— Хотел доказать, что стоишь дороже миллиона? Тонко сработано. Ты просто хотел, чтобы я поднял ставку, так? — Он притянул Линь Шо к себе. — Без проблем. У меня много денег. Какое бы кино ты ни захотел снять, я дам тебе любые бюджеты. Сколько угодно денег. Ведь ты же мастер окупать вложения, верно?

После встречи с дедом мысли Линь Шо ворочались медленно. Он не сразу сообразил, к чему клонит Хэ Янь.

Это был типичный стиль Хэ Яня — грубый, самоуверенный. Но что-то в его тоне было не так.

Жар, исходивший от его тела, мешал сосредоточиться.

Как он должен ответить в такой ситуации?

Линь Шо опешил на мгновение, но быстро пришел в себя. Он с преувеличенной радостью обхватил Хэ Яня за шею:

— Правда?

Хэ Янь раздраженно поморщился, но подтвердил:

— Правда.

<http://bllate.org/book/17574/1712848>